

ОТКЛИКИ ЖИЗНИ

Издавіе Группы
Соціалистовъ-Револуціонеровъ
(Выходить два раза въ мѣсяцъ)

Адресъ Редакціи:
Redaction de «L'Echo de la Vie»
19, rue Daguerré, Paris.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОПРЕДѢЛЕНІЕ И ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА

Обѣ эти темы не разъ обсуждались социалистами въѣхъ странъ; обѣ логически и практически связаны между собой; обѣ входятъ въ кругъ вопросовъ, имѣющихъ колоссальное значеніе для идеологіи и тактики междунаго социализма.

Міровая война вновь поставила ихъ ребромъ передъ встревоженною социалистическою мыслью и возмущенною социалистическою совѣстью. И вновь столкнулись двѣ тенденціи, діаметрально-противоположно оцѣнивающія отношенія между національнымъ и интернаціональнымъ.

Сторонники одной изъ этихъ тенденцій полагаютъ, что ростъ интернаціональнаго можетъ совершаться лишь за счетъ отиравія національнаго; представители другой мыслятъ его только какъ органическое вѣдреніе интернаціональнаго въ національное. Для однихъ національное чувство есть вредный пережитокъ, тормозящій развитіе чувства интернаціональнаго; для другихъ оно — живая творческая сила, которая, надлежащимъ образомъ направленная и ничѣмъ не стѣсняемая въ своихъ *нормальныхъ, законныхъ* проявленіяхъ, можетъ лишь способствовать развитію чувства интернаціональнаго. Одни видятъ въ національномъ нѣчто, по природѣ своей антагонистическое интернаціональному — и „отечеству“, противопоставляютъ „человѣчество“; другіе рассматриваютъ интернаціонализмъ, какъ высшій синтезъ, въ которомъ примиряются переходящія противорѣчія между „отечествомъ“, и „человѣчествомъ“ на почвѣ братскаго союза свободно самоопредѣляющихся націй.

Различно понимаютъ представители этихъ двухъ теченій социалистической мысли и причины крушенія Интернаціонала — поскольку онѣ связаны съ вопросомъ о національномъ самопредѣленіи. Для однихъ развалъ Интернаціонала есть неизбежное слѣдствіе „первороднаго грѣха“, совершеннаго въ тотъ моментъ, когда социализмъ усомнился въ правильности старой заповѣди: „у пролетаріевъ нѣтъ отечества“; другіе объясняютъ крушеніе Интернаціонала отсутствіемъ *подлиннаго единенія* между пролетаріями различныхъ „отечествъ“ — единенія не символическаго, а *дѣйствительнаго*, осуществляемаго на *практикѣ* въ согласіи съ другою старой заговѣдью: „всѣ — за одного, одинъ — за всѣхъ“.

Въ тѣсной связи съ такимъ различнымъ пониманіемъ отношеній между національнымъ и интернаціональнымъ находится и взглядъ различныхъ социалистовъ на вопросъ о „защитѣ отечества“.

По мнѣнію однихъ, всѣ нынѣшнія войны въ равной мѣрѣ „отъ лукаваго“ — отъ капитализма и дѣтищъ его: милитаризма и имперіализма; и потому они настаиваютъ на тѣлворности самой идеи „защиты отечества“. По мнѣнію дру-

гихъ, необходимо строго различать войны наступательныя отъ войнъ оборонительныхъ; и потому они признаютъ за каждымъ народомъ право защищать съ оружіемъ въ рукахъ свою независимость отъ агрессивныхъ нашествій и дѣйствій другихъ народовъ.

Обѣ эти концепціи — одинаково стройныя по той связи, которую каждая изъ нихъ устанавливаетъ между *своими* теоретическими предпосылками и *своими* же тактическими выводами — обѣ онѣ встанутъ, не нынче — завтра, передъ судомъ строителей новаго Интернаціонала. Придется рѣшить, какая изъ нихъ ближе къ тому идеалу, который ставитъ себѣ новый Интернаціональ. И въ этомъ рѣшеніи голосу русскихъ социалистовъ-револуціонеровъ должно быть отведено надлежащее мѣсто.

* * *

De facto же афоризмъ „у пролетаріевъ нѣтъ отечества“ есть просто какое-то nonsens, отрицанію неоспоримаго культурно-историческаго факта, корни котораго сидятъ глубоко въ психологіи а, быть можетъ, и въ физиологіи челоѣка, относящагося къ данной націи, данному народу, данному „отечеству“.

Каждый из населяющих землю народов — и больших, и малых, и тех, что вѣками прикрѣплены къ извѣстной территоріи, и тех, что волею судеб вкраплены среди другихъ народовъ, — имѣетъ свою исторію, свои установленія, нравы и обычаи, свой языкъ, свою письменность, свое искусство, словомъ, свою культуру. Эта культура можетъ быть богатая или бѣдная, высокая или низкая, старая или молодая; но какова бы ни была она, слѣды ея вѣзываются болѣе или менѣе глубоко въ „народную“ душу, влияние ея сказывается на общемъ обликѣ каждой націи.

Но всѣ люди, къ какой бы націи они не принадлежали, въ какомъ бы отечествѣ не жили, есть прежде всего люди: всѣ нуждаются въ разумныхъ и справедливыхъ формахъ общежитія, всѣ тянутся къ познанію „истины, добра и красоты“. И потому каждый народъ, творя свою собственную культуру, создаетъ элементы культуры международной; каждое „отечество“ приноситъ въ даръ всему „человѣчеству“ наиболѣе цѣнные продукты своего общественнаго, научнаго и художественнаго творчества; каждая нація пользуется результатами культурной дѣятельности другой націи, пропуская ихъ сквозь горнило своего „національнаго духа“, накладывая на нихъ печать своихъ мыслей, своихъ чувствъ, своей вѣли.

Сейчасъ имѣется немало дикихъ предрассудковъ и исторически сложившихся препятствій, которыя мѣшаютъ свободному воздѣйствію народовъ другъ на друга и тѣмъ самымъ тормозятъ дѣло общечеловѣческаго прогресса. Соціализмъ призванъ уничтожить эти препятствія. Однако онъ же призванъ способствовать не только отрицательныхъ, но и развитію положительныхъ сторонъ „національнаго духа“. Ибо каждая нація, въ ея лучшихъ проявленіяхъ, есть орудіе общечеловѣческаго прогресса и, тѣмъ совершеннѣе оно, тѣмъ больше пользы и радости для всего челоѣчества.

Соціализмъ, стремясь утвердить на землѣ миръ, а въ сердцахъ благоволеніе, восте не думаетъ о *слиянніи* народовъ всего міра въ „пепельно-сѣрую“ массу. Его тенденціи много гуманнѣе, его задача много шире: онъ хочетъ *объединить* народы въ прочный, единодушный союзъ, онъ хочетъ утвердить *братство народовъ*. Не даромъ же именуется онъ *международнымъ, интернаціональнымъ* социализмомъ. Не даромъ же 2-ой Интернаціональ признавалъ и право каждой націи на самоопредѣленіе и право ея на самозащиту. То же самое признавали всѣ социалистическія партіи — а вмѣстѣ съ ними и наша партія. Въ числѣ политическихъ и правовыхъ требованій этой послѣдней значится и „*признаніе за отдѣльными національностями безусловнаго права на самоопредѣленіе*“ и „*замѣна постоянной арміи народнымъ ополченіемъ*“ необходимость котораго можетъ быть оправдана лишь цѣлями самозащиты.

Какъ же строителямъ новаго Интернаціонала отнестись къ этимъ цѣностямъ, установленнымъ вторымъ Интернаціоналомъ? Отвергнуть ихъ — только потому, что изъ этихъ цѣнностей многими сдѣлано сейчасъ негодное и преступное употребленіе — или признать и, признавши, *конкретизировать ихъ, расширить, углубить?*

(продолженіе слѣдуетъ).

Апаратскій.

ВЛАСТЬ ПРОШЛАГО

На циммервальдской конференціи В. М. Черновъ подчеркивалъ недостаточность формулировокъ, указывающихъ лишь на империализмъ, какъ на факторъ, породившій европейскую войну. В. М. Черновъ предложилъ указать, что «въ второй линіи важнѣйшей изъ причинъ мировой войны является существованіе... абсолютизма и полуабсолютизма». Въ своемъ отчетѣ В. М. Черновъ мотивируетъ свое предложеніе преимущественно тактическими соображеніями. Я попробую доказать правильность этой поправки, подходя къ вопросу съ нѣсколькой иной стороны.

Разныя области общественной жизни измѣняются съ различной быстротой, и даже въ каждой отдѣльной области исторіи не трудно обнаружить наличность новаго и стараго, порой даже очень стараго. Исторія показываетъ, что чаще всего новыя формы общественной жизни являются результатомъ сознательнаго либо бессознательнаго компромисса со старыми. Много яркихъ доказательствъ этому можно найти въ исторіи европейскихъ народовъ, даже въ эпохи революціонныя.

Рядъ революцій далъ западно европейскимъ народамъ много положительнаго, много новаго; но въ ихъ общественно-политической жизни остались элементы «старога порядка», осталось наследіе абсолютизма, являющееся однимъ изъ несомнѣнныхъ факторовъ современной войны. Правда, сила этого «наслѣдія» слабѣетъ по направленію отъ Запада къ Востоку. Не надо однако, думать чтобы этотъ факторъ затемнялъ въ нашемъ сознаніи наличность другого факта — «власти прошлаго». Не надо также подпадать подъ власть такихъ словъ, какъ, напримеръ, республика, потому что часто названіе не совсѣмъ отвѣчаетъ содержанию. Доказательствомъ этому можетъ, между прочимъ, служить и французская республика, которая была «по самой своей сущности компромиссомъ», между республиканскими принципами и традиціями конституціонной монархіи.

Войско и дипломатія во всѣхъ государствахъ Европы являются той послѣдней крѣпостью, которую абсолютизмъ старался удержать въ своихъ рукахъ въ бою съ буржуазіей, и онъ ее удержалъ: «вѣнценосцы» всѣхъ оттѣнковъ сохранили почти всюду полную власть и надъ войскомъ и надъ дипломатіей. И этотъ столь дорого обходящійся народнымъ массамъ, пережитокъ выступаетъ наиболее ярко именно на Западѣ, гдѣ, примѣнительно къ интранаціональнымъ дѣламъ, вѣнценосцы обычно лишь «царствуютъ, но не правятъ» (Англія). Буржуазія ужъ не думаетъ о борьбѣ съ этимъ «перезжиткомъ»; она лишь старается его использовать въ своихъ цѣляхъ и во вредъ трудовой демократіи.

Только что указанное наследіе абсолютизма существуетъ не только de facto, но и de jure; оно освящено по-революціоннымъ *правомъ*, созданнымъ въ результатѣ компромисса между вѣнценосцами, дворянствомъ и буржуазіей — компромисса, допущеннаго тѣмъ скорѣе и охотнѣе, чѣмъ яснѣе выступалъ ликъ новой исторической волиницы, трудовой демократіи. Приведу нѣсколько образчиковъ этого права.

Хотя въ демократіяхъ эта власть «главы государства» не такъ сильна, но все же и по французской конституціи, ограничивающей власть президента въ междунаrodnыхъ дѣлахъ, послѣдній «располагаетъ войскомъ (force armée)» и «назначаетъ на всѣ должности гражданскія и военныя» (§ 4). *Шире* власть итальянскаго короля. Согласно «статуту королевства» король «командуетъ сухопутными и морскими силами, объявляетъ войну, заключаетъ договоры — *мирныя, союзныя*, торговые др., *извѣщая* о нихъ палаты, поскольку интересы и безопасность государства это позволяютъ, сопровождая нужными разъясненіями» (§ 5).

Однако еще *полнѣе* права вѣнценосца въ указанной области въ Германіи. Согласно германской Конституціи, «всѣ германскія войска обязаны безусловно повиноваться приказаніямъ Императора. Главнокомандующіе etc. назначаются императоромъ» либо «съ согласія императора» (см. § 4). При внесеніи законопроектвъ объ арміи, флотѣ... когда въ Союзномъ Совѣтѣ (представителей входящихъ въ Гер. Им. государство) возникаетъ разногласіе, *прѣставляющимъ* является голосъ президента «русскаго короля...» (§ 5). *Прусскій король*, президентъ Союзнаго Совѣта, «объявляетъ войну, и заключаетъ миръ отъ лица имперіи, заключаетъ со-

юзы и другие договоры съ иностранными державами, отправляеть и принимаетъ пословъ. Для объявленія (наступательной) войны отъ имени Имперіи необходимо согласие Союзнаго Совѣта» (ст. 11).

Чтобъ понять, насколько полны «прерогативы власти» германскаго вѣнценосца, надо вспомнить, что Союзный Совѣтъ — въ которомъ Пруссія на 58 голосовъ принадлежитъ 17, причеъ число это увеличивается голосами миниатюрныхъ государствъ volens volens вынужденныхъ идти за Пруссіей и создавшихъ ей большинство — съодятся къ роли совѣтника прусскаго короля. Кроме того, вышеприведенная статья даетъ прусскому королю право и возможность тормозить демократизацію арміи, флота и т. п. Правда, есть Рейхстагъ, но онъ можетъ быть распущенъ по постановленію Союзнаго Совѣта (ст. 24), то есть фактически по постановленію прусскаго короля, что и имѣло мѣсто въ 1878 г., 1887 и 1893 гг. — въ двухъ послѣднихъ случаяхъ изъ-за военныхъ законопроектовъ.

Итакъ, юридически «Наслѣдіе абсолютизма» очень сильно; сильно оно и фактически, чему доказательствомъ служить и мировая война. Наличие пережитковъ абсолютизма создаетъ положеніе, при которомъ нѣтъ международнаго права, а есть лишь право междуправительственное, нѣтъ *jus gentium*, а есть лишь *jus imperatorum*. Отношенія мажлу народами создаются монархами при посредствѣ дипломатовъ, въ тайнѣ отъ народовъ. Принимая во вниманіе вышеизложенное, не будетъ преувеличеніемъ предположеніе, что въ XX вѣкѣ еще возможны войны между народами изъ за *капризовъ* вѣнценосцевъ. «Пережитокъ абсолютизма» создалъ положеніе, при которомъ армія находится всецѣло во власти вѣнценосцевъ, имѣющихъ полную возможность послать на взаимную бойню самые мирные народы. Правда, въ демократическихъ странахъ дипломатія отвѣтственна передъ народомъ; но юридическая слабость «наслѣдія абсолютизма» во Франціи и Англіи фактически укрѣпляется непомерно большою юридической и фактической силой его въ вотчинахъ Романовыхъ, Габсбурговъ, Гогенцоллерновъ и т. д. Тутъ проявляется въ полномъ блескѣ «законъ взаимной обусловленности». И такъ будетъ обстоять дѣло, пока не будетъ стертъ съ лица земли абсолютизмъ, заклятый врагъ демократіи. Для обезпеченія мира (увеличенія его шансовъ) народы должны измѣнить военную и дипломатическую системы. Поскольку нужна армія — она должна принадлежать народу, ему она должна присягать, ему (его представителямъ) повиноваться. Наряду съ войскою должна быть демократизована и дипломатія, должна и она стать сугубо отвѣтственной предъ народомъ. Широкая отвѣтственность ея передъ народомъ, отучила бы ее отъ всѣхъ навыковъ и повадокъ современной «тайной» дипломатіи вѣнценосцевъ.

Демократизація войска и дипломатіи не можетъ, конечно, установить вѣчный миръ; но она увеличила бы возможность болѣе продолжительнаго мира и сала бы въ архивъ исторіи цѣлый рядъ поволовъ и причинъ войны (я не говорю уже о томъ, какъ много дали бы вышеуказанныя мѣры для прогресса внутринациональной жизни народовъ). Только послѣ ликвидаціи «наслѣдія абсолютизма», только тогда, когда войско и дипломатія будутъ въ рукахъ самого народа, можно будетъ говорить о разоруженіи, о международныхъ третейскихъ судахъ, о подлинномъ международномъ правѣ и т. д. А до этого всѣ такія разговоры будутъ отдавать либо чарисействомъ, либо маниловщиной. Борьбу съ указанными здѣсь пережитками абсолютизма нужно признать *одной* изъ важнѣйшихъ жизненныхъ задачъ социализма и демократіи вообще. Конечно, съ точки зрѣнія направленной въ родѣ *ленинскаго нео-максимализма*, проповѣдующаго чуть ли не наступленіе социалистической эры, которая молъ возникнуть изъ современнаго мирового пожараща, какъ фениксъ изъ пепла, — о такой задачѣ говорить не приходится. Но оставаясь на почвѣ реальныхъ фактовъ и возможностей нельзя не признать какъ важности такъ и трудности борьбы съ абсолютизмомъ и его пережитками. Враги демократіи понимаютъ это и стараются оказать демократіи отчаянное сопротивление; они уже готовятся къ нему, пользуясь въ этомъ смыслѣ *Burgfrieden*'омъ. Фарисейскому лозунгу своихъ враговъ трудовая демократія должна противопоставить свой старый девизъ: «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое». Во имя истиннаго служенія культурѣ и цивилизаціи, трудовая демократія должна противопоставить облыжноту и слашавому лозунгу *Burgfrieden*'а, интернациональный революционный лозунгъ: «если хочешь международнаго мира, готовь внутреннюю войну».

А. Ф.—р.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ И ВОЙНА

II. — Арменія безъ армянъ

Отечество Захаръ Ивановичъ, это есть извѣстная территорія, въ которой мы, по снабженію себя надлежащими паспортами имѣемъ мѣстожительство. Вотъ что такое отечество.

Начальство, Захаръ Ивановичъ, это продуктъ отечества; отечество въ свою очередь продуктъ начальства.

Салтыковъ (За Рубежемъ).

Въ концѣ XIV столѣтія монголы Тимура и турки-османы положили конецъ армянскому государству и вскорѣ большая часть Арменіи вошла въ составъ оттоманской имперіи. Какъ и повсюду турки завоеватели предложили побѣжденнымъ дилемму: или, принявъ мусульманство, ассимилироваться съ побѣдителями и пользоваться съ ними равными правами, или, сохранивъ свою религіозно-культурную автономію, стать наположеніе безправныхъ „рая“. Армянская масса въ общемъ избрала послѣднее.

Первые вѣка послѣ завоеванія положеніе покоренныхъ армянъ, по многимъ имѣющимся даннымъ, было не слишкомъ тяжелое, и они даже извлекали изъ него кое-какія выгоды: можно думать, что именно тогда было заложено основаніе коммерческому процвѣтанію армянской буржуазіи. Но съ началомъ разложенія турецкой имперіи положеніе сразу измѣнилось къ худшему — вмѣсто прежнихъ даней, контрибуцій и богатыхъ завоеваній несчастныя войны стали приносить лишь убытки и издержки, которые, понятно, всей своей тяжестью ложились на безправное христіанское населеніе. Отсутствіе же какихъ бы то ни было гарантій открывало широчайшій путь къ всякаго рода поборамъ и злоупотребленіямъ пашей, мутешерифовъ и т. д., и т. д. Къ тому же съ побѣдами христіанскихъ государствъ въ самомъ турецкомъ населеніи презрѣніе къ христіанамъ вообще смѣнилось ненавистью. Положеніе становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ, а потому триумфальное появленіе русскихъ на Ближнемъ Востокѣ было встрѣчено съ восторгомъ армянами, равно какъ и всѣми поработенными христіанскими народами. Въ немъ видѣли зарю новой жизни. Русское правительство широко использовало всѣ эти симпатіи. Всякій разъ, какъ на Ближнемъ Востокѣ создавались затрудненія агенты официальной Россіи появлялись среди недовольныхъ съ заманчивыми, но туманными обѣщаніями, и всякій разъ, какъ только разражалась гроза, встрѣчали самую горячую поддержку отъ турецкихъ христіанъ. Но, какъ только гроза проходила, обѣщанія забывались, и вчерашніе союзники предоставлялись своей собственной участи, на волю и гнѣвъ своихъ прежнихъ и обозленныхъ господъ. „Аствацъ херу тани руси шаръ — ицъ“ — да избавить насъ Богъ отъ русской провокаціи, говорить армянская поговорка, имѣя, конечно въ виду русскую власть. Правда тѣмъ армянамъ, которые переходили подъ сѣнь російской державы, жилось легче чѣмъ ихъ турецкимъ собратьямъ — хотя лишь до поры до времени. Положеніе же послѣднихъ становилось все хуже и хуже.

Но и русскихъ армянъ преслѣдованія не коснулись лишь до тѣхъ поръ, пока они были нужны русской власти. Когда же послѣдняя, послѣ покоренія Кавказа и счастливой войны 1878 года, достаточно укрѣпилась въ Передней Азіи, ея политика терпимости по отношенію къ русскимъ армянамъ

круто изменилась: русская реакционная, все нивелирующая власть не могла спокойно видѣть тѣ проявленія армянскаго національнаго духа, которыя были созданы тысячелѣтними культурной, самостоятельной жизни. Начались гоненія на языкъ, литературу, религиозную автономію, однимъ словомъ на все то, что осталось отъ былого независимаго существованія и на что не посягала даже турецкая власть.

Преслѣдованія эти какъ разъ совпали съ гоненіями въ турецкой Арменіи, гдѣ правительство Абдуль-Гамида безжалостно мстило армянамъ за ихъ поддержку Россіи 1878 году и жестоко расправлялось съ беззащитнымъ армянскимъ населеніемъ, фактически предоставленнымъ Европой, Турціи не смотря на всѣ „гарантіи“ Берингскаго трактата. Россія не только не помѣшала преступному выполненію замысловъ кроваваго султана, но даже дала ему полное согласіе на истребленіе и выселеніе всего армянскаго населенія турецкой Арменіи: „Намъ нужна Арменія, — не постѣснялся заявить въ самый разгаръ рѣзни Лобановъ-Ростовскій, русский министръ иностранныхъ дѣлъ, — но безъ армянъ“. И эта мысль, это стремленіе красной нитью проходитъ черезъ всю русскую политику послѣдующихъ лѣтъ.

Арменія безъ армянъ! И для этого возбуждается давно было заглохшая религиозно-національная вражда татаръ къ армянамъ на Кавказѣ, для этого русская власть систематически организуетъ и вооружаетъ первыхъ, а когда все готово, толкаетъ на вторыхъ. Въ результатѣ — армяно-татарская рѣзня 1905-6 годовъ. Цѣль ея не была однако достигнута: татарскій элементъ въ Закавказьѣ оказался недостаточно сильнымъ, чтобы разгромить армянское населеніе. Но за то въ кровавой и кошмарной борьбѣ заглохли на много лѣтъ всѣ прогрессивные ростки новой и лучшей жизни, а на мѣсто ихъ повывѣзли грозные призраки далекаго прошлаго. Реакція восторжествовала вполне.

Но въ это же время въ русской иностранной политикѣ произошелъ коренной поворотъ: на Дальнемъ Востокѣ всѣмъ авантюристическимъ и захватнымъ стремленіямъ русской власти былъ положенъ конецъ японскимъ оружіемъ. Невольно взоры „ташкентцевъ-цивилизаторовъ“ вновь перенеслись съ Дальняго на Ближній востокъ. Къ тому же на горизонтѣ послѣдняго появились зловѣщіе признаки, запахло всевозможными осложненіями, компенсаціями, раздѣлами... и русская власть вновь начала заигрывать съ армянами, русская администрація Кавказа вновь стала армянофильской. Правда, это армянофильство проявлялось въ пустякахъ и носило довольно таки двусмысленный характеръ, но и этого было вполне достаточно, чтобы вся армянская буржуазія немедленно очутилась въ объятіяхъ Воронцева-Дашкова и компаніи. Да и не удивительно: когда видишь старыхъ бойцовъ революціи, протягивающихъ руку и бросающихся въ объятія русскаго правительства, можно ли ожидать чего либо другаго отъ буржуазіи?

Разразилась война; Турція напала на Россію, и правительство послѣдней вдругъ „вспомнило“ о своей провиденціальной мисіи „защитить и освободить“ угнетенные христіанскіе народы Турціи. Немедленно армянскимъ революціонерамъ, томившимся по русскимъ тюрьмамъ, фактически была дана амнистія. Казалось — Timeo Danaos et dona ferentes — но, увы, ненависть къ вѣковому угнетателю, къ разрушителю былой независимости была сильнѣе всѣхъ расчетовъ, говорила громче всѣхъ мудрыхъ, своихъ и чужихъ, пословиць, заставляла забыть всѣ уроки недавняго прошлаго и армянскіе революціонеры, въ борьбѣ съ Турціей, стали

рѣшительно на сторону русскаго правительства — не заручившись даже никакими предварительными гарантіями. Картина получилась умиленная, и одной изъ лучшихъ къ ней иллюстрацій можетъ служить самъ Николай, пожимающій на кавказскомъ фронтѣ руки армянскимъ боевикамъ...

ОТГОЛОСКИ ПЕЧАТИ

1. Война и реакция.

Н. С. Русановъ — одинъ изъ наиболѣе послѣдовательныхъ публицистовъ „Русскихъ Записокъ“ — продолжаетъ отмѣчать факты, свидѣтельствующіе о томъ, какъ отражается „освободительная“ война на внутренней политикѣ враждующихъ сторонъ. Все — самыя цѣнные завоеванія демократіи — приносится въ жертву пресловутой „государственной необходимости“. И это не только въ Германіи, никогда не отличавшейся избыткомъ политической свободы и индивидуальности правъ личности, но и въ такихъ „очагахъ“ демократизма, какъ Англія, Франція и Италія.

«Пожалуй, даже въ этихъ демократическихъ странахъ — пишетъ Н. Русановъ — контрастъ между характеромъ общественной жизни до и во время войны еще рѣзче. Непомѣрное расширение военной власти за счетъ гражданской, а въ сферѣ послѣдней преобладаніе исполнительныхъ органовъ надъ законодательными, министерствъ надъ парламентами, парламентскихъ комиссій надъ общими засѣданіями. Въ области юстиціи широко практикующаяся замѣна обыкновенныхъ судовъ военными... Въмѣсто неприкосновенности личности и равенства гражданъ — желѣзная дисциплина и лѣстница іерархическихъ повелѣній. Въмѣсто свободы передвиженій, слова, печати, собраний, союзовъ — паспортъ, цензура, вскрытіе писемъ, милитаризация трудящихся, полицейской надзоръ за всѣми. И все это — въ интересахъ — «освободительной войны» и государственной необходимости» (*Русскія Записки, февраль*).

Но оптимисты не унываютъ. Въ отвѣтъ на вопросъ, гдѣ же хваленныя „вольности“, которыя съ такою помпой возвѣщались апологетами „освободительной войны“, они съ увѣренностью безответственныхъ людей заявляютъ: „Будутъ!“ И не вдомекъ всѣмъ этимъ Панглосамъ и Маниловымъ, что у политики есть своя традиція, своя инерція, глубокіе слѣды которой могутъ на долго сохраниться въ жизни, если... если война не подыметъ бурного протеста въ широкихъ трудовыхъ слояхъ не только противъ войны, но и противъ всѣхъ тѣхъ, кто изъ „государственной необходимости“ сдѣлалъ орудіе реакціонныхъ мѣропріятій, лежащихъ тяжелымъ проклятіемъ на то, что „будетъ“. Поживемъ — увидимъ...

2. Патриотизмъ глупцовъ

Хорошо извѣстно, что сейчасъ воюющія страны кишатъ патриотами всѣхъ цвѣтовъ — отъ чернаго до краснаго включительно. Эта „психическая зараза“, принявшая въ первый годъ войны угрожающіе размѣры, начинаетъ понемногу затихать. Однако бороться съ ней нужно, не покладая рукъ — особенно тогда, когда она выражаясь языкомъ бактериологовъ, находится въ періодѣ скрытомъ, „инкубационномъ“.

И для борьбы съ патриотической инфекціей въ періодъ „инкубации“ нужно прежде всего знаніе симптомовъ болѣзни въ наиболѣе рѣзкихъ ея формахъ.

Симптомы „патриотического психоза“ лучше всего выражены у патриотовъ-глупцовъ, которымъ посвящаетъ нѣсколько страницъ тотъ-же Н. С. Русановъ. Онъ цитируетъ нѣсколько отрывковъ изъ статьи, по какому то, очевидно, недоразумѣнію напечатанной въ литературномъ приложеніи „Таймса“ — левоборана англійской дживгоистской прессы.

Въ мирное время никто не слушаетъ этихъ патриотовъ — пишетъ авторъ статьи цитируемой Н. Русановымъ. Даже тѣ, кто согласенъ съ ними жалеетъ, чтобы они не превращали защищаемого ими дѣла въ посмѣшище. Но теперь никому въ Англіи не приходитъ въ голову смѣяться надъ ними: ихъ враги являются вмѣстѣ съ тѣмъ и нашими врагами...

Они сражаются теперь съ германцами оружіемъ брани и шумъ огъ ихъ ругательства для нихъ самихъ является столь же важною вещью, какъ грохотъ англійскихъ пушекъ... Всего хуже, что когда народы находятъ другъ съ другомъ въ состояніи войны, то каждый принимаетъ групповъ въ лагерѣ противника за истинныхъ выразителей его мнѣній; и что, напримѣръ, германское правительство имѣетъ обыкновеніе оправдывать свои дѣйствія, ссылаясь на слова англійскихъ дураковъ...

Симптомы болѣзни — на лицо: брань по адресу противника, неудержимое влеченіе къ „пальбѣ изъ пушекъ“, заряжаемыхъ недобросовѣстностью и глупостью.

Существо этой брани формулируется слѣдующими словами Н. Русанова:

«Умышленное смѣшиваніе всѣхъ сторонъ общественной жизни врага въ одно ужасающее-мрачное цѣлое, отрипаніе въ немъ какихъ бы то нибыло положительныхъ качествъ, отождествленіе всѣхъ классовъ, группъ, сословій, профессій, всѣхъ отѣнковъ мысли и чувства съ «германскимъ милитаризмомъ», какъ будто въ Германіи нѣтъ ничего, кромѣ милитаризма, и какъ будто въ другихъ странахъ всѣмъ нѣтъ милитаризма... Конечно, по другую сторону Сѣвернаго моря находятся любители подобныхъ же разсужденій, которые, какъ въ игръ въ воланъ, перебрасываютъ тѣже аргументы въ лагерь своихъ враговъ и получаютъ ихъ обратно въ лицо... И злобный аргументъ летитъ изъ рукъ нѣмецкаго «дурака» въ руки англійскаго глупца».

Все это — симптомы остраго заболѣванія при наличности соответствующаго „предрасположенія“, что однако не мѣняетъ общей картины болѣзни, которая сводится къ тенденціи усугублять недостатки противника и недооцѣивать свои собственные „Глупцы“ на то и глупцы, чтобы не замѣчать этого. Но когда роль „дураковъ“ берутъ на себя люди дѣйствительно умные либо, по крайней мѣрѣ, претендующіе на званіе таковыхъ, тогда становится мерзко на душѣ. Правда, люди умные или претендующіе на званіе таковыхъ каннибализма не проповѣдуютъ и ко всяческимъ „фобіямъ“ относятся съ осторожностью. Но болѣзнь все же остается болѣзью — хотя и въ скрытой, „инкубационной“ формѣ. Вотъ почему тутъ нужны и „предохранительныя“ прививки, и антисептика, и дезинфекція“, чтобы предупредить развитіе и распространеніе заразы.

Вотъ почему мы очень радуемся появленію статей, подобныхъ послѣдней статьѣ Н. С. Русанова...

3. Подъ знакомъ заразы.

Нагляднымъ образчикомъ того, какъ люди умные и даровитые могутъ, подъ влияніемъ „патриотическаго психоза“, уподобиться „глупцамъ“, являются два несомнѣнно крупныхъ человека: Жакиъ Ришпенъ и Эмиль Верхаръ, о которыхъ, между прочимъ, говоритъ въ своей статьѣ, „Литература и война“, Е. Сталинскій*).

Ж. Ришпенъ — одинъ изъ выдающихся поэтовъ Франціи, когда то пѣвецъ бѣдноты и свободы, смѣлый новаторъ, проклинавшій всѣ формы гнета, ненавидѣвшій лицемеріе и пошлость — чтожъ воспѣваетъ онъ сейчасъ, кого проклинаетъ? Объектъ его проклятій — Германія, вся безъ различія; тема его пѣснопѣній — ненависть къ нѣмцамъ:

«Моя ненависть, наша общая ненависть, ненависть полная и безмѣрная, непоколебимая и законная, ненависть, превратившаяся въ право, какъ и въ долгъ»

«Эту ненависть ничто не сможетъ ослабить, пока... свирѣпое и отвратительное животное не будетъ посажено въ желѣзную клѣтку и не будутъ вырваны у него клыки и когти, разорваны нервы, мускулы оторваны отъ костей, кости опорожнены отъ мозга, пока не выльется у него вся кровь изъ артерій, не обездушится, наконецъ, его душа».

*) *Русскія Записки*, февраль 1916 г.

И та же ненависть, тѣ же проклятія несутся изъ устъ другого, близкаго намъ по духу, высоко даровитаго и, казалось, высоко человѣчнаго поэта. Эмиль Верхарнъ, поклонникъ дѣйствительнаго гнѣва противъ пѣпей, сковывающихъ мысль и волю человѣка, вдохновенный поборникъ интересовъ труда, поэтъ, отдавшій громозвучную лиру свою служенію идеаламъ свѣтлаго будущаго, немислимаго внѣ братства народовъ, — обрекаетъ на вѣковѣчную ненависть цѣлый народъ, и это, конечно, нѣмецкій народъ. Онъ говоритъ:

«Ненависть, которую Германія внушила намъ, такъ сильна, такъ единодушно всеѣми чувствуется, что она пропитаетъ соки будущихъ поколѣній неизвѣстно до какой глубины. Насколько человѣческое можетъ быть вѣчнымъ, — эта висть будетъ вѣчной.

Она будетъ составной частью преподаванія въ нашихъ школахъ, традиціей нашихъ семейныхъ очаговъ. Она будетъ для насъ какъ бы святымъ запасомъ энергіи и гнѣва».

Пусть сердце большого поэта изранено муками его несчастной, но прекрасной родины; пусть мысль его отравлена кровавымъ кошмаромъ переживаемыхъ нами трагическихъ дней — и все же неправъ, безмѣрно, неправъ онъ въ своемъ жестокомъ приговорѣ. И если Жанъ Ришпенъ — нѣкогда искренний поэтъ, а нынѣ фразистый „академикъ“ — не нашелъ въ опустошенномъ сердцѣ своемъ ничего лучше чисто звѣриной ненависти къ цѣлому народу, то отъ Эмиля Верхарна — человѣка и поэта „божьей милостью“ — можно и должно требовать большаго.

Какъ бы ни была велика печаль Бельгій, какъ бы ни было велико по отношенію къ ней преступленіе Германіи — есть нѣчто выше и этой печали и этого преступленія: печаль о сумеркахъ воодушевлявшихъ насъ идеаловъ, преступленіе противъ всего міра труда, свергнутаго волею безответственныхъ людей въ бездну кроваваго побоища. И не будь Эмиль Верхарнъ во власти „заразы“ онъ, конечно, нашелъ бы что сказать и объ этой великой печали и объ этомъ великомъ преступленіи.

В. Д.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ

(О военно-патріотическихъ откровеніяхъ Валерія Брюсова).

Недавно Валерій Брюсовъ, — характеризуя безвкусіе „творчества“ одного изъ моднѣйшихъ нашихъ молодыхъ поэтовъ, — обмолвился весьма дѣльнымъ замѣчаніемъ:

«Верха. — пишетъ онъ, — безвкусія достигаетъ Игорь Сѣверянинъ въ стихахъ посвященныхъ современной войнѣ. Огдѣль этихъ стихотвореній начинается отвратительной похвальбой, что величіе Германіи «солдату русскому на выморкѣ».

Затѣмъ гражданственная поэзія Игоря Сѣверянина переходитъ въ площадную ругань; «шутъ», «буржуйка», «тагала», «апашъ», «мародеръ», «срямъ» — вотъ приемы, которыми поэтъ хочетъ унизить нашихъ враговъ.

Ругаться изъ-за сплюснутыхъ другижъ — врядъ ли значитъ исполнять свой долгъ поэта въ войну. и не много надобно вкуса, чтобы понять, въ какой мѣрѣ это некрасиво, именно «не эстетично». Военные стихи Игоря Сѣверянина, которыми онъ срываетъ дешевые аплодисменты публики, производятъ впечатлѣніе тягостное. *)

Вотъ именно. Давно пора сказать отрезвляющее слово.

И не по адресу лишь одного Игоря Сѣверянина. Только не Брюсову-бы говорить это слово. Онъ самъ, — къ со-

блазну „малыхъ сихъ“, — усердно содѣйствовалъ милитаризаціи нашей поэзіи и былъ пионеромъ барабаннаго шовинизма въ стихахъ.

Въ виду наглядной поучительности примѣра, мы позволимъ себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Брюсовъ давно уже извѣстенъ своею чуткостью къ современности. Въ этомъ отношеніи онъ вѣрный ученикъ Верхарна, стихи котораго онъ неоднократно переводилъ на русскій языкъ. Но Брюсовъ совершенно не сроденъ Верхарну по духу.

Верхарнъ — могучая индивидуальность, съ широкимъ размахомъ и съ почти стихійной любовью къ свободѣ и справедливости. Для него нѣтъ золотой середины и онъ яростно ненавидитъ средю мѣщанской умѣренности и аккуратности.

Не то Брюсовъ. Онъ, въ сущности, самый типичный російскій обыватель, прекрасно уживающійся съ нашей черносотенной дѣйствительностью и совершенно не помышляющій о борьбѣ съ нею. Даже наоборотъ. Онъ ипогда весьма услужливо поетъ въ униссонъ съ предписаніями начальства. Вамъ угодны примѣры. — Извольте.

Въ 1904 году, въ самомъ началѣ русско-японской войны, Брюсовъ пишетъ высопарное посланіе „Къ Тихому Океану“, гдѣ старается, „разсудку вопреки“ и наперекоръ историческимъ фактамъ, идеалистически изобразить задачи позорной авантюры російскихъ придворныхъ сферъ. Вотъ — что говорить онъ:

«Чаша безмѣрная водъ! дай припасть
Къ блещущей влагѣ устами и взоромъ,,
Дай утолить нашу старую страсть

Полнымъ просторомъ!
Вотъ чего ждали мы, дѣти стеной!
Вотъ, она сродная сердцу стихій!
Чудо свершилось: на гранѣ своей

Стала Россія.
Братъ-Океанъ! ты какъ мы! дай обня
Братскую грудь среди вражескихъ станомъ.
Кто, дерзновенный, захочетъ развязать
Двухъ великановъ? **)

Теперь вся эта поэтическая буффонада звучитъ довольно — таки комически, ибо всѣ мы видѣли, какъ названныхъ „двухъ великановъ“ легко „разъяла“ маленькая Японія, которую такъ презрительно третировали и въ стихахъ и въ прозѣ патріоты того времени.

Но тогда десять — двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, Брюсовъ писалъ свои стихи вполне серьезно, совершенно не предвидя столь неожиданнаго исхода войны. А другой „патріотъ“, г-нъ Струве, посмѣшилъ назвать это стихотвореніе — „поэтической жемчужиной патріотической мечты“.

И вотъ, казалось-бы горькій урокъ исторіи долженъ былъ пойти на пользу Брюсову, въ общемъ весьма трезвому поэту.

Но вышло совсѣмъ иначе.

Только лишь успѣла начаться новая война, какъ Брюсовъ опять торопится настроить лиру свою на воинственный ладъ и уже 20-го іюля 1914 г. пишетъ стихотвореніе „Последняя война“. Онъ вновь „пріемлетъ войну“ и въ стихотвореніи — „Старый вопросъ“ излагаетъ свое „credo“ поэта — націоналиста:

„Мы кто въ этой старой Европѣ?
Случайные гости? орда,
Пришедшая съ Камы и съ Оби,
Что яростью дышитъ всегда.
Все губитъ въ бессмысленной злобѣ?

*) «Критика о творчествѣ Игоря Сѣверянина» Изданіе В. В. Пашуканиса. Москва. 1916 г., стр. 20.

**) Валерій Брюсовъ. Вѣнокъ. Стихи 1903 1905 г. Москва 1906 г. (стр. 123).

Иль мы-тотъ великій народъ,
 Чье имя не будето забыто,
 Чья рѣчь и понинѣ поетъ
 Созвучно съ напѣвомъ санскрита?...
 Иль мы-тотъ народъ, кто обрѣлъ
 Двухъ сфинксовъ на отмели невской,
 Кто міру титановъ привелъ,
 Какъ Пушкинѣ, Толстой, Достоевскій?

Да, такъ, мы-славяне! Инымъ
 Донынѣ-ль нашъ родъ ненавистенъ?
 Легендой-ли кажутся имъ
 Слова историческихъ истинъ?

И что-же! священный союзъ
 Ты видишь, надменный германецъ?
 Не съ нами-ль свободный французъ,
 Не съ нами-ль свободный британецъ?*

Но Брюсову мало быть поэтомъ — націоналистомъ, ему хочется быть еще и пророкомъ, — правда идущимъ по стопамъ Тютчева, — но все-же пророкомъ.

Въ стихотвореніи, посвященномъ Польшѣ, онъ провозглашаетъ:

«Опять родного намъ народа
 Мы стали братьями, — и вотъ
 Та «наша общая свобода,
 Какъ фениксъ», править свой полетъ.
 А ты, народъ скорбей и вѣры,
 Подъявший вмѣстѣ съ нами брань.
 Услышь у гробовой пещеры
 Священный возгласъ: «Лазарь, встань!»
 Просторъ родимаго предѣла
 Единымъ взоромъ облетѣй,
 И крики «Польша не сгинѣла!»
 По-братски, съ русскимъ гимномъ слей!»*

Послѣднія двѣ строки опять звучатъ комически, хотя Брюсовъ, кромѣ авторитета Тютчева, можетъ еще сослаться и на торжественный манифестъ великаго князя Николая Николаевича.

Но, все-таки, не напоминаетъ-ли вамъ этотъ патристическій кунштюкъ Брюсова аналогичной продѣлки одного изъ персонажей Достоевскаго — чиновника Лямшина въ „Бѣсахъ“), варьированнаго побѣдоносные звуки Марсельезы съ геденкинымъ вальсомъ — „Mein lieber Augustchen“? Кстати, — и названіе у вариации было подходящее — „Франко-прусская война“.

Такова судьба воинственныхъ откровеній Валерія Брюсова.

Ему-ли учить другихъ и въ частности — Игоря Сѣверянина?

В. Ангарскій

НАЦИОНАЛЬ-СОЦИАЛИЗМЪ Г. ЭРВЕ

Если на клѣткѣ со слономъ увидишь надпись «буйволъ» — не вѣрь глазамъ своимъ. Козьма Прутковъ

Этотъ афоризмъ достославнаго Козьмы не мѣшаетъ почаще вспоминать, когда имѣешь дѣло съ литературными упражненіями социаль-патриотовъ. Импрессионисты par excellence, они особенно страдаютъ склонностію вѣрить въ «метаморфозы» — главнѣйшимъ факторомъ котораго является «надпись»: названъ слона буйволомъ или, наоборотъ, буйвола слономъ — и кончено: превращеніе совершилось! Международный социализмъ ихъ больше не удовлетворяетъ, и потому они не прочь выдать этого «слона» за буйвола, а своего собственного буйвола возвести въ рангъ слоновъ. И договариваются, конечно, до ультра-благоглупостей — вродѣ національнаго социализма, являющагося, конечно неизбѣжнымъ, логическимъ завершеніемъ социаль-патриотизма. Практика послѣдняго требуетъ соответственнаго теоретическаго обоснованія, а «лакействующій разумъ», маленько постаравшись, изобрѣтаетъ таковое.

Наиболѣе откровенно и рѣзко развилъ теорію этого національ-социализма Густавъ Эрве. Но онъ совершенно правъ, говоря, что въ сужденіяхъ его нѣтъ ничего еретическаго для большинства французскихъ социаль-патриотовъ. Онъ лишь довелъ ихъ положенія до необходимаго логическаго конца, не прикрываясь стыдливо фиговымъ листомъ, ни къ чему не обязывающей словесности о какой-то потенциальной международной солидарности.

Мы оставимъ въ сторонѣ «анти бошскую» подоплеку пропаганды Эрве. Она не представляетъ ничего новаго, оригинальнаго.

Не коснемся мы и того, что Н. С. Русановъ называетъ «банальностями на счетъ освободительной войны, германской «культуры» (неизмѣнно въ ковычкахъ), восстановления права и т. п.» («Русск. Зап.» 1916 г. № 2)

Насъ интересуетъ лишь положительная часть программы Эрве — «ordre du jour» националь-социализма и мотивъ, заставившій Эрве выступить съ новой программой и проповѣдью раскола во французской партіи.

«Только офиціальныи генеральный штабъ нашей партіи, — пишетъ Эрве, — можетъ съ благочестивымъ оптимизмомъ вѣрить, что расколъ, который только что свершился въ нѣмецкой социальдемократіи не подожметъ воды на мельницу Циммервальда. Рядомъ съ социальстами Циммервальда — циммервальдистами перваго закала, у которыхъ есть мужество защищать свои мнѣнія — есть во франц. соц. партіи нѣкоторое число стыдливыхъ циммервальдцевъ, которые, чтобы примкнуть къ блеющему пацифизму ждутъ лишь того, чтобы онъ оказался въ большинствѣ» («la Victoire» № 91)

И у франц. социалистовъ, увѣряетъ Эрве, — будетъ «свой маленькій расколъ».

Онъ уже существуетъ морально съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые социалисты отправились въ Циммервальдъ.

«Силу и опасность — силу только относительную, опасность только относительную — социалистовъ Циммервальда составляетъ — то, что они повторяютъ ритуальные гимны, которые всѣ въ нашей Церкви распѣвали машинально въ теченіи многихъ лѣтъ», а также то, что они знаютъ, что являются истинными носителями Святыя Реликвіи», «въѣдъ социализмъ, какъ и всякая религія имѣетъ свои реликвіи, свои священные сосуды, свои нерушимыя догмы, ритуальныя формы, свой катехизисъ» (№92)

Когда разразилась надъ нашими головами гроза 31 іюля 1914 года эти «Реликвіи скатились внизъ головой въ лужу крови»; но вотъ 6 мѣсяцевъ тому назадъ, узнавъ о томъ, что нѣкоторые нѣмецкіе социалисты подобрили ихъ и принесли въ Швейцарскую деревушку по имени Циммервальдъ, часть франц. социалистовъ «поѣхала за ними и набожно теперь приноситъ ихъ къ намъ назадъ».

Но французскіе социалисты должны избавиться отъ власти догмы, которой они подчинились, «какъ побѣжденные 70-го года». Еще до войны были «еретики», находившіе этотъ социализмъ узкимъ, вздорнымъ, сухимъ, однобокимъ, фельдфебельскимъ. Одинъ за другимъ наши болѣе болѣе извѣстные по краснорѣчію и политической мудрости вожди: Милеранъ, Вивіани и Брианъ покинули насъ, не согласившись согнуть колѣна передъ этой каррикатурой французскаго социализма» («la Vict.» № 92) остальные его временно терпѣли.

Если «социализмъ борьбы классовъ» правъ — вѣщаетъ Эрве, — «если есть лишь одна стоящая вещь на землѣ — солидарность и братство рабочихъ всѣхъ странъ» — «социалисты Циммервальда правы». — Нужно прекратить войну, броситься нѣмцамъ въ объятія и обратитъ оружіе противъ внутреннихъ враговъ («la Vict.» №93)

Но нужно «страдать либо усмевенной близорукостію, либо полнымъ кретинизмомъ, чтобы питать нынѣ подобныя химеры и чтобы не констатировать полное плачевное паденіе понятія социализма борьбы классовъ, который мы имѣли слабость переносить въ теченіе 30 лѣтъ, т. к. мы были побѣждены». (№ 93)

Этотъ социализмъ борьбы классовъ долженъ быть замѣненъ національнымъ социализмомъ на подобіе того, который «Зюдекюмъ» въ тысячу разъ болѣе умный и болѣе реальный политикъ, чѣмъ Гаазе хочетъ основать вмѣстѣ съ большинствомъ нѣмецкой социальдемократіи («la Vict.» № 93)

Если бы такіа національ-социалистическія партіи сформировались раньше — не было бы, быть можетъ и войны, мечтаетъ Эрве. Французская соц. партія соединившись съ радикалами стала бы министерской и правительственной. Жоресъ былъ бы министромъ иностранныхъ дѣлъ и велъ бы по

литуку сближенія съ Германіей, которая въ свою очередь благодаря сближенію с-довъ съ дѣвыми буржуазными партіями стала бы страной демократической съ истиннымъ парламентскимъ режимомъ (№ 93).

Но «упрямая догма» торжествовала и всѣ мечты разлетались въ прахъ.

Нужно исправить ошибку. Нужно создать «новое понятіе социализма, — говоритъ Эрве — социализма, который я охотно назвалъ бы національнымъ, чтобы показать, что въ каждой странѣ онъ долженъ выходить изъ почвы, изъ исторіи и характера каждаго народа, быть отмѣченнымъ печатью генія расы, работать въ национальныхъ рамкахъ» (№ 94)

Вмѣсто борьбы классовъ будетъ сотрудничество. Вѣчное «union sacré».

Завтра, вмѣстѣ съ другими партіями — развиваетъ программу Эрве, — мы будемъ заботиться о промышленности, которая пришла въ упадокъ, о путяхъ сообщенія и исправности портовъ, плохое состояніе которыхъ сдѣлало Францію посмѣшищемъ нѣмецкихъ инженеровъ; будемъ бороться за децентрализацию, которая дастъ отдѣльнымъ районамъ Франціи необходимую автономію; рука объ руку съ другими партіями мы будемъ бороться съ вырожденіемъ, нео-малтузианствомъ и алкоголизмомъ; мы никогда не выпустимъ изъ виду, что капиталистическое развитіе Франціи — condition sine qua non увеличенія благополучія ея рабочаго класса и крестьянства («la Vict^e» № 94 «le socialisme national»)

Такова будущая дѣятельность, такова сущность этой министеріально-національно-соціальной партіи «малыхъ дѣлъ». Едва ли стоить разбирать частности этой программы. Можемъ лишь вполнѣ раздѣлить изумленіе г. G. Féry, редактора «чистой, свободной и живой» газеты «Oeuvre» — зачѣмъ понадобилось Эрве основывать новую партію? Вѣдь точно такая партія уже давно существуетъ — правда, «соціалистической» она не называлась никогда.

А.

Письмо въ редакцію «Откликовъ Жизни».

Уважаемые товарищи!

Въ номерѣ первомъ Вашего журнала И. Андреева въ доказательство того, что мы, сторонники взглядовъ, защищаемыхъ въ «За Рубежемъ» и защищающихся теперь въ «Призывѣ» — якобы являлись въ началѣ войны противниками внутренней борьбы — приводитъ между прочимъ цитату изъ моей статьи «Внутренній миръ», напечатанной въ № 1 «За Рубежемъ».

Я уже не говорю о томъ, что это моя статья была написана въ доказательство того, что «пріятіе войны» социалистами не связано съ установленіемъ внутренняго мира. Всякій, а въ томъ числѣ И. Андреева, имѣетъ право понимать всѣ статьи по своему и даже совсѣмъ не понимать.

Но врядъ ли можно считать допустимымъ тотъ способъ, которымъ И. Андреева «цитируетъ» статьи критикуемыхъ ею авторовъ. Привожу параллельно «цитату» И. Андреевой и тотъ контекстъ, изъ котораго вырвана эта «цитата», отмѣчая курсивомъ пропущенныя И. Андреевой мѣста.

«Цитата» И. Андреевой.

«Мы» утверждали, что «демократія и царизмъ вынуждены сражаться бокъ о бокъ съ общимъ врагомъ» и что по этому «было бы нелѣпо мѣшать царизму». (Вороновъ «За Рубежемъ»).

Подлинный контекстъ.

«Волею историческихъ судебъ и демократія и царизмъ вынуждены сражаться бокъ о бокъ съ общимъ врагомъ. И было бы нелѣпо мѣшать царизму въ этомъ дѣлѣ, но только въ этомъ дѣлѣ. Во всей же внутренней жизни страны продолжается и должна продолжаться старая борьба. № 1 «За Рубежемъ», стр. 3 сред. столбецъ.

Думаю, что читатели «Откликовъ Жизни» оцѣнятъ по достоинству такой способъ «цитирования».

Съ тов. привѣтомъ Борисъ Вороновъ

Отвѣтъ Борису Воронову.

Въ своемъ письмѣ Б. Вороновъ желаетъ возстановить «точный смыслъ» написаннаго имъ въ № 1 «За Рубежемъ» онъ увѣренъ, что стоить возстановить цитату полностью и каждому будетъ ясно, насколько искаженъ смыслъ его статьи тѣми сокращеніями, къ которымъ я прибѣгла. Думаю, однако, что это ни въ малой степени не мѣняетъ дѣло. Правда, я брала изъ писаній Б. Ворова то, что считала для

нихъ наиболѣе характерными. Но я думаю, что право каждаго подчеркивать то, что считаетъ основнымъ въ мысли противника. Другое дѣло, конечно, если взятая такимъ образомъ цитата искажаетъ его мысль. Но что измѣняютъ прибавки Воронова? Что самодержавіе — историческаго происхожденія? Что «не мѣшать» царизму нужно не вообще, а лишь въ дѣлѣ обороны? Но вѣдѣ если видишь въ самодержавіи союзника, хотя бы и въ дѣлѣ обороны, хотя бы и навязаннаго «волею историческихъ судебъ», то все, что мѣшаетъ его союзнику, все, что ослабляетъ его энергію или разбиваетъ ее, — ослабляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло обороны. «Не мѣшать» ему въ дѣлѣ обороны, это значитъ также «не мѣшать» ему и въ другихъ дѣлахъ. И гдѣ начинается «оборона» и гдѣ «внутреннія дѣла»? Когда Дума разоблачала хищенія правительственныхъ чиновниковъ при поставкахъ въ интендантсва, — она несомнѣнно «мѣшала» царизму. Когда общественныя организаціи протестовали противъ сѣнсненія ихъ инициативы въ организаціи помощи раненымъ или другимъ видамъ дѣятельности ихъ «содѣйствія» войнѣ, — они тоже несомнѣнно «мѣшали» царизму. Все это такъ элементарно, такъ азбучно, что скучно повторять все это.

Борисъ Вороновъ протестуетъ противъ того, что я навязываю ему проповѣдь «внутренняго мира». Онъ увѣрлетъ насъ, что онъ, наоборотъ былъ всегда за «внутреннюю борьбу». Какъ же! Вѣдь это онъ Борисъ Вороновъ, писалъ о томъ, что пріавъ войну, русская демократія «продолжаетъ по прежнему свою организаціонную работу»... «проявляя въ тысячѣ формъ общественную инициативу по прямому содѣйствію войнѣ». Вѣдь это онъ, Борисъ Вороновъ, въ «сухаряхъ», и въ «вагонахъ теплой одежды», отправляемыхъ изъ глухихъ деревень и въ другихъ подобныхъ «проявленіяхъ общественной инициативы» видѣлъ ту работу, которая «конечно будетъ для стараго режима куда страшнѣе» красныхъ вымысловъ» публицистовъ изъ «Мысли».

Правда, онъ писалъ также и то, что теперь дѣлаются невозможными, даже нежелательными всякія революціонныя выступленія, которыя могли бы повредить успѣху борьбы съ вѣшнимъ врагомъ», но съ другой стороны, развѣ не онъ же, Борисъ Вороновъ, писалъ, что «во всей внутренней жизни страны продолжается и должна продолжаться старая борьба».

Правда все это... немного противорѣчиво и какъ-то не вяжется одно съ другимъ. Но все дѣло въ томъ, что у Бориса Воронова нѣтъ мужества и послѣдовательности тѣхъ товарищей, которые открыто и прямо, беря на себя отвѣтственность за сказанное, заявили о необходимости прекратить на время войны борьбу съ царизмомъ. Борисъ Вороновъ тоже бросилъ лозунгъ «не мѣшать царизму», но бросилъ его, прятаясь за оговорки, умолчанія, недомолвки. И сколько бы ни старался онъ увѣрить насъ, что онъ тоже за «внутреннюю борьбу», мы не повѣримъ этому, такъ какъ знаемъ, что подводитъ онъ подъ это понятіе.

Онъ хочетъ, чтобы для всѣхъ ясно было, что онъ призываетъ «не мѣшать царизму» только въ дѣлахъ обороны. Но тѣ кому онъ шлетъ свои «призывы» давнымъ давно уже заявили и въ Думѣ и на съѣздахъ, что и въ дѣлахъ «обороны», какъ и въ другихъ дѣлахъ, они не желаютъ идти объ руку съ правительствомъ, что царизмъ «мѣшаетъ» имъ.

Кто же кого ведетъ? Борисъ Вороновъ, — кричащій «руки прочь» всѣмъ тѣмъ кто не съ нимъ, — ведетъ за собой «массы» или... они ведутъ его и онъ лишь заднимъ числомъ отражаетъ событія?

И. Андреева.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ

Весьма существенныя разногласія между мною и редакціонною коллегіею въ пониманіи роли и критеріумовъ интернационализма въ войнѣ заставляютъ меня прервать начатую мною серію статей «Трагедія безпринципности» и прекратить дальнѣйшее мое сотрудничество въ «Откликахъ Жизни».

А Ронсинъ

Поправка

Въ № 3 «Откликовъ Жизни» въ статьѣ И. Андреевой «О Новомъ Интернаціоналѣ» вкралась ошибка: вмѣсто «и среди нихъ тѣ кто разсуждали на «конференціи» нужно читать «и среди нихъ тѣ, кто разсуждали на конференціяхъ».

Le Gérant: **Hambourg.**
Imprimerie Russe, 19, rue Daguerre